

По слухам из норвежской колонии в Таиланде, посол Норвегии погиб в начале шестидесятых в Бангкоке вовсе не разбившись на машине — он был убит при весьма загадочных обстоятельствах. В Министерстве иностранных дел слухи не подтвердились, и труп был кремирован на следующий же день, причем от официального вскрытия отказались.

Совпадение героев и событий в романе с действительностью следует считать случайным. Действительность гораздо более невероятна.

Бангкок, 23 февраля 1998 года

Глава 1

Загорается зеленый свет, и рев машин, мотоциклов и туктуков — трехколесных мопедов-такси — нарастает, так что Дим слышит, как дребезжат стекла универмага «Робертсон». Ее машина тоже трогается с места, и витрина с длинным красным шелковым платьем остается далеко позади, растворяясь в вечерних сумерках.

Она взяла такси. Ехала не в каком-то там битком набитом автобусе, не в проржавевшем туктуке, а на настоящем такси, с кондиционером, и за рулем сидел немногословный шофер. Она с наслаждением опустила голову на подголовник. Никаких проблем. Мимо пронесся мопед, девчужка на заднем сиденье вцепилась в парня в красной футболке и шлеме с забралом: ее пустой взгляд скользнул по такси. «Держись крепче», — подумала Дим.

На улице Рамы IV шофер оказался в хвосте у грузовика, тот дымил прямо на них, да так, что из-за черного густого выхлопа не удавалось разглядеть номер. Благодаря кондиционеру запах быстро выветрился. Правда, не до конца. Дим слегка помахала рукой перед носом, демонстрируя свое отвращение, и шофер, посмотрев в зеркальце, рванул вперед. Никаких проблем.

Так было не всегда. Она выросла в семье, где было шесть девочек. Слишком много, считал

отец. Ей едва исполнилось семь лет, когда они стояли на проезжей дороге, кашляя от желтой пыли, и махали вслед повозке, подпрыгивающей вдоль коричневого канала и увозящей их старшую сестру. Ей дали с собой чистое белье, билет на поезд до Бангкока и адрес в Патпонге, записанный на обороте визитной карточки, и она, уезжая, плакала в три ручья, а Дим махала ей вслед так отчаянно, что чуть рука не отвалилась. Мать погладила младшую по головке, сказав, что все непросто, но, с другой стороны, не так уж и плохо. Во всяком случае, их сестре не придется стать квай и ходить по дворам, пока не выйдут замуж по примеру матери. К тому же мисс Вонг обещала позаботиться о девочке. Отец кивнул и, сплюнув бетель сквозь почерневшие зубы, добавил, что фаранги в барах хорошо платят за новеньких.

Дим не поняла, кто такие квай, но спрашивать не стала. Конечно же, она знала, что это слово означает быка. Как и многие другие в этих местах, они не имели средств, чтобы завести себе быка, так что брали животное лишь на время, чтобы вспахать поле для риса. Позднее она узнает, что девушка, которая ходит с быком по дворам, тоже называется *квай* и что ее услуги тоже продаются. Таков обычай: может, ей повезет и она встретит крестьянина, который захочет оставить ее у себя, пока она еще не старая.

Однажды, когда Дим исполнилось пятнадцать, отец окликнул ее, приближаясь к дочке по рисовому полю: в руках он держал шапку, и солнце светило ему в спину. Она ответила не сразу и, разогнувшись, посмотрела на зеленые холмы вокруг их крохотного дворика, а потом, закрыв глаза,

прислушалась к пению птицы-трубача в кронах деревьев и вдохнула аромат эвкалипта и гевеи. Она знала, что пришел ее черед.

В первый год они жили в одной комнате вчетвером. Четыре девочки делили друг с другом все: постель, еду и одежду. Важнее всего было последнее, поскольку без красивого наряда невозможно заполучить хороших клиентов. Она научилась танцевать, улыбаться, умела теперь различать, кто хочет просто выпить с ней, а кто — переспать. Отец договорился с мисс Вонг, что деньги будут посылаться домой, поэтому первые годы она прозябала в нужде, но мисс Вонг была ею довольна и постепенно стала оставлять ей больше.

У мисс Вонг имелись причины быть довольной, ведь Дим вкалывала как проклятая и ее клиенты охотно покупали выпивку. Мисс Вонг была бы рада и дальше оставить ее у себя. Однажды какой-то японец даже вознамерился жениться на Дим, но отступил, когда она попросила купить ей билет на самолет. Еще один, американец, брал ее с собой в Пхукет, потом оплатил обратную поездку и купил ей кольцо с бриллиантом. Кольцо она заложила в ломбард на следующий день после отъезда американца.

Некоторые платили мало и посылали ее ко всем чертям, если она пыталась возражать; другие ябедничали мисс Вонг, когда Дим не соглашалась выделять все, что они ей велели. Они не понимали, что мисс Вонг уже получила свое из тех денег, что они заплатили в баре за услуги Дим, и теперь девушка сама себе хозяйка. Хозяйка. Она вспомнила о красном платье в витрине магазина. Мать говорила правду: все непросто, но не так уж и плохо.

И она старалась сохранять невинную улыбку и веселый смех. Клиентам нравилось. Наверное, потому она и получила работу по объявлению Ван Ли в газете «Тай Пат», в разделе G.R.O., или «Guest Relation Officer»¹. Ван Ли — низкорослый, почти черный китаец, владелец мотеля на Сукхумвитроуд, клиентами его были в основном иностранцы с весьма специфическими пожеланиями, но не настолько уж особыми, чтобы она не смогла их убажить. Откровенно говоря, ей это нравилось даже больше, чем бесконечные танцульки в баре. К тому же Ван Ли хорошо платил. Единственное неудобство, пожалуй, в том, что приходилось долго добираться в его мотель из квартиры в Банглапху.

Проклятые пробки! Когда они встали в очередной раз, она сказала шоферу, что выйдет здесь, пусть даже придется пересечь шесть полос, чтобы добраться до мотеля на другой стороне улицы. Покинув такси, Дим ощутила, как воздух окутал ее, словно горячее влажное полотенце. Она двинулась вперед, зажав рот рукой, — знала, что это не поможет, в Бангкоке всегда такой воздух, но, по крайней мере, так меньше воняет.

Дим пробиралась между машинами; отпрянула в сторону от пикапа с полным кузовом парней, которые свистели ей вслед; еле увернулась от «тойоты». Наконец она на тротуаре.

Ван Ли поднял глаза, когда Дим вошла в пустой холл.

— Сегодня вечером спокойно? — спросила она.

Он раздраженно кивнул. В последний год такое случалось частенько.

¹ Сотрудник службы гостеприимства (англ.).

— Ты уже поужинала?

— Да, — солгала она. Ей не хотелось есть водянистую лапшу, которую он варил в задней комнате.

— Придется подождать, — сказал он. — Фаранг сперва хочет поспать; он позвонит, когда проснется.

Она застонала.

— Ты ведь знаешь, Ли, мне надо вернуться в бар до полуночи.

Он бросил взгляд на часы.

— Дадим ему один час.

Пожав плечами, она села. Если бы она зароптала год назад, он просто вышвырнул бы ее вон, но теперь он нуждался в деньгах. Конечно, она могла бы и уйти, но тогда эта долгая поездка оказалась бы совершенно бесполезной. А кроме того, она была обязана Ли, он ведь не худший сутенер из тех, на кого ей приходилось работать.

Выкурив три сигареты, Дим пригубила горького китайского чая и подошла к зеркалу, наводя марафет.

— Пойду разбужу его, — сказала она.

— Гм. Коньки с собой?

Она потрясла сумкой.

Ее каблуки вязли в гравии, покрывавшем открытую площадку между низенькими номерами мотеля. Номер 120 находился в глубине патио, никакой машины у двери она не увидела, но в окне горел свет. Наверное, фаранг уже проснулся. Легкий бриз приподнял ее короткую юбку, но прохлады не принес. Дим тосковала по муссону, по дождям. А ведь после нескольких недель наводнения, после покрытых илом улиц и заплесневелого белья она будет снова тосковать по знойным безветренным месяцам.

Легонько постучав в дверь, она примерила застенчивую улыбку, а на языке уже вертелся вопрос: «Как вас зовут?» Никто не отвечал. Она снова постучала, взглянув на часы. Наверняка можно будет поторговаться о том красном платье, скостить цену на сотню батов, хоть даже и в «Робертсоне». Повертев дверную ручку, она с изумлением обнаружила, что дверь не заперта.

Клиент лежал на кровати ничком и спал — это бросилось в глаза сразу. Потом она заметила голубое поблескивание прозрачной рукоятки ножа, торчащего из спины в ярко-желтом пиджаке. Трудно сказать, какая мысль первой пронеслась в голове Дим, но одна из них наверняка была о том, что долгая поездка из Банглапху оказалась-таки напрасной. А потом Дим закричала. Но крик утонул в громком гудении трейлера на Сукхумвитроуд, которому не давал повернуть зазевавшийся туктук.

Глава 2

— «Национальный театр», — объявил по громкоговорителю гнусавый, сонный голос, прежде чем двери открылись, и Дагфинн Торхус шагнул из трамвая в промозглое, холодное зимнее пред-рассветное утро. Мороз щипал свежесбритые щеки, и в тусклом неоновом свете белел выдыхаемый пар.

Шла первая неделя января, и он знал, что потом станет легче: льды скуют фьорд и воздух сделается менее влажным. Он начал подниматься

по Драмменсвейен, к Министерству иностранных дел. Мимо проехало несколько одиноких такси, в целом же улицы были почти пустынные. Часы на фасаде концерна «Йенсидиге», светящиеся красным на фоне черного зимнего неба, показывали шесть.

На входе он достал пропуск. «Начальник отдела», — было написано над фотографией молодого Дагфинна Торхуса, на десять лет моложе нынешнего, смотрящего в объектив фотоаппарата целеустремленным взглядом через очки в стальной оправе, выставив вперед подбородок. Он провёл пропуском по считывающему устройству, набрал код и толкнул тяжелую стеклянную дверь на площади Виктория-террасе.

Далеко не все двери открывались столь же легко в те времена, когда он двадцатипятилетним парнем пришел сюда работать, а было это почти тридцать лет назад. В «дипшколе» — так назывались мидовские курсы для стажеров — он выделялся своим эстердальским диалектом и «деревенскими замашками», как говорил один его однокурсник из Бэрума. Другие стажеры были политологами, экономистами, юристами, их родители имели высшее образование и были политиками или частью той мидовской верхушки, куда стремились их дети. А он — простой крестьянский парень, выпускник сельскохозяйственного института в Осе. Не то чтобы это было так важно лично для него, но он понимал: для дальнейшей карьеры ему нужны настоящие друзья. Дагфинн Торхус осваивал социальные коды и вкалывал больше других, чтобы уравновесить собственный статус. Но, несмотря на различия, всех их объединяло

одно: смутное представление о том, кем они станут. Ясным было только направление: вверх.

Вздыхнув, Торхус кивнул охраннику, когда тот протянул ему в стеклянное окошко газеты и конверт.

— Кто на месте?

— Вы, как всегда, первый, Торхус. Конверт — из курьерской службы, его доставили ночью.

Торхус поднимался на лифте, следя за тем, как гаснут и загораются цифры этажей. Ему представлялось, что каждый этаж здания символизирует этап его карьеры, и каждое утро все эти этапы вновь проходили перед его взором.

Первый этаж — первые два года стажерства, долгие, ни к чему не обязывающие дискуссии о политике и истории, уроки французского, который стоил ему невероятных мучений.

Второй этаж — консульский департамент. Первые два года Торхус провел в Канберре, потом еще три — в Мехико-Сити. Чудесные города, грех жаловаться. Разумеется, он бы предпочел Лондон и Нью-Йорк, но то были слишком уж престижные места, туда стремились попасть все. Так что он решил не воспринимать такой поворот карьеры как поражение.

Третий этаж — снова служба в Норвегии, уже без солидных надбавок за работу за рубежом и за квартиру, позволявших жить в относительной роскоши. Он встретил Берит, она забеременела, а когда подошло время для новой заграничной командировки, они ждали уже второго. Берит родилась в тех же краях, что и он, и каждый день говорила по телефону со своей матерью. Он решил немного подождать, работал не жалея сил, писал

километровые отчеты о торговых отношениях с развивающимися странами, сочинял речи для министра иностранных дел, заслуживая похвалу на верхних этажах. Нигде в госаппарате не существовало такой жесткой конкуренции, как в МИДе, и ни в одном другом месте иерархия не была настолько наглядной. На работу Дагфинн Торхус шел, как солдат в атаку: пригнув голову, не показывая спину и открывая огонь, едва кто-то окажется на мушке. Впрочем, пару раз его дружески похлопали по плечу, и тогда он понял, что «замечен», и попытался объяснить Берит, что сейчас самое время отправиться в командировку в Париж или Лондон, но тут она впервые за всю их тихую семейную жизнь заартачилась. И он сдался.

Дальше — четвертый этаж, новые отчеты и наконец должность секретаря, небольшая прибавка к окладу и место в департаменте кадров на втором этаже.

Получить работу в мидовском департаменте кадров — знаковое событие, оно обычно означало, что путь вверх открыт. Но что-то не сложилось. Департамент кадров совместно с консульским департаментом рекомендовали соискателей на различные посты в загранаппарате, то есть непосредственно влияли на карьерный рост остальных коллег. Возможно, он подписал не тот приказ, не дал кому-то хода, а этот человек потом стал его начальником, и теперь в его руках те невидимые нити, которые правят жизнью Дагфинна Торхуса и других мидовских сотрудников.

Как бы то ни было, движение вверх как-то незаметно прекратилось, и в одно прекрасное утро он вдруг увидел в зеркале ванной типичного

начальника департамента, бюрократа средней руки, которому никогда уже не подняться на пятый этаж за оставшийся какой-то десяток лет до пенсии. Если, конечно, не совершить подвига, который все заметят. Но подобные подвиги плохи тем, что за них если не повысят в должности, то наверняка выгонят с работы.

Так что оставалось лишь вести себя как прежде, пытаюсь хоть в чем-то опередить других. Каждое утро он первым являлся на работу, преспокойно успевал просмотреть газеты и факсы и уже имел готовые выводы, когда остальные коллеги еще только протирали глаза на летучках. Целеустремленность вошла в его плоть и кровь.

Он открыл дверь кабинета и замешкался на мгновение, прежде чем включить свет. У этого тоже была своя история — история о налобном фонарике. Причем, увы, просочившаяся наружу и гулявшая, он знал, по всему МИДу. Много лет назад норвежский посол в США вернулся на некоторое время в Осло и как-то ранним утром позвонил Торхусу, спросив, что тот думает о ночном выступлении президента Картера. Торхус только-только вошел в свой кабинет и еще не успел ознакомиться со свежими газетами и факсами, а потому не сумел дать немедленного ответа. Как и следовало ожидать, день был загублен. Дальше — больше. На следующее утро посол позвонил снова, как раз в тот момент, когда Торхус развернул газету, и спросил, каким образом ночные события могут повлиять на положение на Ближнем Востоке. Назавтра послу снова потребовались какие-то ответы. И Торхус тоже пролепетал что-то невразумительное за недостатком информации.

Он начал приходить на работу еще раньше, чем прежде, но у посла, похоже, было седьмое чувство, поскольку каждое утро его звонок раздавался именно в тот момент, когда Торхус только садился за стол.

Так продолжалось, пока начальник департамента, случайно узнав, что посол живет в маленьком отеле «Акер» прямо напротив МИДа, не догадался, в чем дело. Всем было известно, что посол любит вставать ни свет ни заря. Он не мог не заметить, что свет в кабинете Торхуса загорается раньше, чем в других, и решил разыграть пунктуального чиновника. Тогда Торхус купил себе налобный фонарик и на следующее утро успел просмотреть все газеты и факсы, не зажигая люстры. И сидел так с налобником почти три недели, пока посол не сдался.

Но теперь Дагфинну Торхусу было наплевать на шутника посла. Он открыл конверт, в нем оказалась расшифровка шифрограммы, под грифом «совершенно секретно». Прочитав сообщение, он пролил кофе на докладные записки, лежавшие на столе. Короткий текст оставлял простор для фантазии, но суть заключалась в следующем: посол Норвегии в Таиланде, Атле Мольнес, найден с ножом в спине в одном из борделей Бангкока.

Торхус перечитал сообщение еще раз, прежде чем отложить его в сторону.

Атле Мольнес, бывший политик и член Христианской народной партии, бывший председатель комитета по финансам, стал теперь бывшим и во всех остальных отношениях. Это казалось столь невероятным, что Торхус невольно бросил взгляд в сторону отеля «Акер» — не притаился ли

там кто за гардинами? Но отправителем сообщения являлось норвежское посольство в Бангкоке. Торхус чертыхнулся. Ну почему это случилось именно теперь и именно в Бангкоке? Не следует ли сперва известить Аскильсена? Нет, тот сам скоро обо всем узнает. Торхус посмотрел на часы и поднял телефонную трубку, чтобы позвонить министру иностранных дел.

Бьярне Мёллер осторожно постучал в дверь и вошел. Голоса в переговорной утихли, все повернулись в его сторону.

— Бьярне Мёллер, руководитель убойного отдела, — представила его глава Полицейского управления и жестом пригласила садиться. — Мёллер, а это статс-секретарь Бьёрн Аскильсен из канцелярии премьер-министра и Дагфинн Торхус, начальник департамента МИДа.

Мёллер кивнул, выдвинул стул и попытался засунуть свои длиннющие ноги под большой овальный дубовый стол. Кажется, он уже видел молодое, веселое лицо Аскильсена по телевизору. Неужели он и впрямь из канцелярии премьер-министра? Значит, неприятности случились немаленькие.

— Прекрасно, что вы смогли так быстро прийти, — произнес, картавя, статс-секретарь, нетерпеливо барабанил пальцами по столу. — Ханне, расскажи ему вкратце, о чем мы здесь говорили.

Начальник Полицейского управления позвонила Мёллеру двадцать минут назад и без всяких объяснений велела явиться в МИД в течение четверти часа.

— Атле Мольнес найден мертвым в Бангкоке. Предположительно он был убит, — начала она.

Мёллер увидел, как начальник департамента МИДа при этих словах закатил глаза за очками в стальной оправе. Выслушав историю до конца, Мёллер понял его реакцию. Надо быть полицейским, чтобы сказать про человека, найденного с ножом, торчащим из спины слева от лопатки и вошедшим сквозь левое легкое в сердце, что тот «предположительно убит».

— Его нашла в гостиничном номере женщина...

— В борделе, — поправил ее чиновник в стальных очках. — И нашла его проститутка...

— Я беседовала с коллегой из Бангкока, — продолжала начальница. — Он человек разумный и обещал пока не предавать это дело огласке.

Мёллер спросил было, зачем так тянуть с этой самой оглаской, ведь оперативное освещение в прессе часто помогало полиции получить нужные сведения, пока люди кое-что помнят и следы еще свежие. Но что-то подсказывало ему, что подобный вопрос сочтут слишком наивным. Вместо этого Мёллер поинтересовался, как долго они рассчитывают все это скрывать.

— Надеемся, что долго, до тех пор, пока не сложится приемлемая версия, — ответил Аскильсен. — Та, что мы имеем на сегодня, не годится.

Та, что имеем? Мёллер ухмыльнулся. Так значит, подлинную версию уже рассмотрели и отбросили. Как новоиспеченный начальник отдела, Мёллер до сих пор был избавлен от общения с политиками, однако он знал: чем выше у человека должность, тем опаснее для него не знать реальной картины жизни.

— Как я понимаю, имеющаяся версия довольно неприятна, но что значит «не годится»?

Начальница предостерегающе взглянула на Мёллера. Статс-секретарь слабо улыбнулся.

— У нас мало времени, Мёллер, но позвольте мне преподать вам экспресс-курс практической политики. Все, что я сейчас скажу, разумеется, строго конфиденциально. — Он машинально поправил узел галстука, это движение Мёллер вспомнил по его телеинтервью. — Итак. Впервые за всю послевоенную историю у нас появилось центристское правительство, причем достаточно жизнеспособное. Но не потому, что для этого имеется общая парламентская платформа, а потому, что премьер-министр наконец-то перестал быть самым непопулярным политиком в стране.

Начальник Полицейского управления и мидовский чиновник усмехнулись.

— Популярность строится на том же хрупком фундаменте, что и любой политический капитал, — на доверии. Неважно, насколько политик симпатичен или харизматичен, главное — что он пользуется доверием избирателей. Знаете ли вы, Мёллер, почему была так популярна Гру Харлем Брунтланд?

Мёллер понятия не имел почему.

— Вовсе не потому, что она была такая очаровашка, а потому, что люди гордились тем, что она — именно та, за кого себя выдает. Доверие, вот что важно.

Все вокруг стола закивали. Обязательный ритуал.

— Атле Мольнеса и премьер-министра связывает дружба и политическая карьера. Они вместе учились, вместе продвигались вверх по партийной линии, боролись за модернизацию партийной

молодежной организации и вместе радовались, когда оба, еще молодые, были избраны в стортинг. Именно Мольнес добровольно отступил в тень, когда оба они вошли в число лидеров партии. И оказал безоговорочную поддержку премьер-министру, так что партия избежала борьбы за власть в своих рядах. Из всего этого следует, что премьер-министр питает к Мольнесу чувство благодарности.

Аскильсен облизнул пересохшие губы и выглянул в окно.

— В общем, Мольнес не стажировался в МИДе и вряд ли попал бы в Бангкок, если бы премьер-министр не нажал на все кнопки. Возможно, это выглядит как nepotизм, но это форма узаконенного nepotизма, возникшего и получившего широкое распространение в эпоху правления Рабочей партии. Рейульф Стен тоже не был карьерным дипломатом, когда получил должность посла в Чили. — Его глаза снова обратились к Мёллеру, и в них заплясал насмешливый огонек. — Мне, наверное, нет необходимости подчеркивать, что это дело может повредить репутации премьер-министра, если станет известно, что его друг и соратник по партии, которого он сам же отправил в командировку, был найден *in flagranti*¹, а к тому же и убитым.

Статс-секретарь жестом предложил продолжить начальнику Полицейского управления, но тут Мёллер снова не удержался:

— У кого же нет друга, который не побывал бы в борделе!

1 На месте преступления (*лат.*).

На лице Аскильсена застыло подобие улыбки, а мидовец в стальных очечках кашлянул:

— Вы узнали то, что вам положено знать, Мёллер. И будьте так любезны, оставьте оценку этих событий нам. Все, что нам нужно, — это чтобы расследование... не приняло нежелательного характера. Разумеется, мы все хотим, чтобы убийца или убийцы были схвачены, однако обстоятельства этого дела до поры до времени не должны разглашаться. Ради блага страны. Вы понимаете?

Мёллер посмотрел на свои руки. Ради блага страны. Держать язык за зубами. Этого в его роду никто не умел. Его отец так и остался простым полицейским констеблем.

— Как показывает опыт, господин начальник департамента, скрывать правду бывает довольно трудно.

— Да, пожалуй. Я буду отвечать за операцию по линии МИДа. Как вы понимаете, это весьма деликатное дело, и оно требует, чтобы тайландская полиция работала на нас, а не против нас. Раз тут замешано посольство, у нас имеется определенная свобода действий — дипломатическая неприкосновенность и все такое прочее, но все равно мы ходим по лезвию ножа. А потому мы хотели бы, чтобы туда был послан кто-то, кто имеет некоторый опыт подобных расследований и сотрудничества с полицией других стран и кто способен добиться результата.

Он умолк и посмотрел на Мёллера, который пытался понять, чем ему так неприятен этот бюрократ с агрессивным подбородком.

— Мы могли бы сформировать совместную команду...

— Никакой команды, Мёллер. Чем меньше шума, тем лучше. Кроме того, начальник Полицейского управления объяснила нам, что, если мы заявимся туда большой командой, это вряд ли облегчит сотрудничество с местной полицией. Так что нужен всего один человек.

Один?

— Ваша начальница уже предложила нам кандидатуру, и мы по достоинству оценили ее предложение. Собственно, это ваш подчиненный, и мы хотели бы услышать ваше мнение о нем. Как следует из беседы начальника Полицейского управления с коллегой из Сиднея, этот ваш кандидат отлично показал себя при расследовании убийства Ингер Холтер в прошлом году.

— Я прошлой зимой читал об этой истории в газетах, — вставил Аскильсен. — Впечатляюще. Так значит, это ваш человек?

Бьярне Мёллер судорожно сглотнул. Вон оно как, начальник Управления предложила, чтобы в Бангкок поехал Харри Холе. А сюда его позвали затем, чтобы он их заверил, что Харри Холе — наилучший из кандидатов, превосходный работник.

Он обвел взглядом людей за столом. Политика, власть и влияние. Он ни хрена не понимает в этих играх, но смекнул, что дело в той или иной степени касается его собственного блага. Очень важно, что именно он сейчас ответит и как поступит: последствия скажутся на его дальнейшей карьере. Начальник Управления сама предложила это имя. Но кто-то из этих бюрократов захотел услышать, что думает о Холе непосредственный шеф. Мёллер взглянул на начальницу и попробовал прочитать в ее глазах, что же ему делать. Конечно, может

статься, что Холе все сделает по высшему разряду. И если сейчас отсоветовать им посылать его подчиненного, не выставит ли он тем самым свою начальницу в невыгодном свете? Тогда его попросят назвать другое имя, а если названный кандидат загубит все дело, то может получиться, что на плаху ляжет его, Бьярне, собственная голова.

Мёллер поднял глаза на картину, висящую над головой начальницы: с высоты на него взирал Трюгве Ли, генсек ООН. Еще один политик. За окнами виднелись крыши многоэтажек в сереньком зимнем свете, крепость Акерсхус и дрожащий от ветра флюгер на макушке отеля «Континенталь».

Бьярне Мёллер считал себя хорошим полицейским, но тут было что-то иное, он не знал правил этой игры. Что бы посоветовал отец? Да уж, он всегда держался подальше от политики, констебль Мёллер. Но он всегда разумел, что важно, а что нет, и отменил свой запрет на учебу сына в Полицейской академии после того, как тот с отличием окончил первый курс юридического отделения. И так далее. Бьярне сделал так, как сказал отец, и после выпускных мероприятий отец все покашливал да покашливал, хлопая сына по спине, пока тот не попросил отца прекратить.

— Хорошее предложение, — услышал Бьярне Мёллер свой собственный голос, да еще такой громкий и отчетливый.

— Прекрасно, — сказал Торхус. — Причина, по которой мы хотели как можно скорее услышать от вас ответ, состоит в том, что дело это срочное. Пусть ваш кандидат оставит все дела и займется нашей проблемой завтра же.

Ну что же, может быть, Холле как раз сейчас и нужно именно такое задание, попытался утешить себя Мёллер.

— Сожалею, что мы забираем у вас такого ценного работника, — проговорил Аскильсен.

При этих словах шеф убойного отдела Бьярне Мёллер едва удержался от смеха.

Глава 3

Они нашли его в «Шрёдере» на улице Вальдемара Тране — старинном respectable кабачке на перекрестке, где западный район Осло встречается с восточным. В кабачке, честно говоря, более старинном, нежели respectable. Respectability заключалась лишь в том, что городская инспекция по охране памятников объявила это коричневое, прокуренное помещение архитектурным наследием. Но это не повлияло на клиентуру, гонимую и истребляемую породу старых пропойц, вечных студентов — выходцев из крестьян — и потасканных донжуанов, давно вышедших в тираж.

Когда сквозняк из двери на время развеял дымовую завесу, двое полицейских увидели рослого мужчину, который сидел под старинной картиной с изображением Акерской церкви. Его светлые волосы были острижены так коротко, что торчали ежиком, а трехдневная щетина на худом запоминающемся лице отливала сединой, хотя мужчине вряд ли было сильно за тридцать. Он сидел в полном одиночестве, выпрямившись, не снимая короткого пальто, словно в любую секунду мог подняться

и уйти. И словно кружка пива, стоящая перед ним на столе, была для него не удовольствием, а работой, которую предстояло сделать.

— Нам сказали, мы найдем тебя здесь, — произнес старший из двоих и сел на стул напротив мужчины. — Я инспектор Волер.

— Видите вон того человека, за столиком в углу? — спросил Холе, не поднимая глаз.

Волер повернулся и взглянул на тощего старика: тот сидел, уставившись в бокал с красным вином и покачиваясь взад-вперед. Казалось, он мерз.

— Тут его зовут «последний из могижан». — Холе поднял голову и широко улыбнулся. Глаза его напоминали бело-голубые шарики в сеточке красных прожилок, и взгляд их уперся Волеру в рубашку. — Военный моряк, — отчеканил Холе. — Раньше их здесь было много, а теперь осталась жалкая горстка. Этого торпедировали дважды во время войны. И он считает себя бессмертным. На прошлой неделе я нашел его в сугробе на улице Глюкстадгата, после закрытия кабака. Вокруг ни души, кромешная тьма, мороз восемнадцать градусов, а он спит. Когда я вернул его к жизни, он только посмотрел на меня и послал к черту. — Он расхохотался.

— Послушай, Холе...

— А вчера вечером я подошел к его столику и спросил, помнит ли он, что с ним случилось: как-никак я спас мужика от верной гибели на морозе. И знаете, что он ответил?

— Холе, тебя разыскивает Мёллер.

— Он ответил, что бессмертен. «Я-то могу жить и никому не нужным моряком в этой дерьмовой стране. Но чертовски обидно, что сам святой Петр

ничего не может поделаться». Нет, вы слышали? Сам святой Петр...

— У нас приказ доставить тебя в Управление.

На столе перед Холе появилась новая кружка пива.

— Счет, Вера, — сказал он.

— Двести восемьдесят, — ответила та, не глядя в блокнот.

— О боже, — пробормотал младший из двоих полицейских.

— Сдачи не надо, Вера.

— Спасибо, — сказала она и удалилась.

— Лучший в городе сервис, — объяснил Харри. — Тебя замечают сразу, не надо размахивать обеими руками.

Волер прижал ладони к ушам, так что на лбу натянулась кожа и по нему зазмеилась синяя жила.

— Нам некогда расслаживаться здесь и выслушивать пьяные байки, Холе. Предлагаю тебе оставить эти последние пол-литра...

Холе осторожно поднес кружку к губам и выпил.

Волер перегнулся через стол, пытаясь говорить тише:

— Я знаю тебя, Холе. Не люблю я тебя. Думаю, давно тебя надо было выгнать из полиции. Такие типы, как ты, только подрывают доверие людей к полицейским. Но мы пришли не поэтому. Нам велено забрать тебя отсюда. Шеф человек добрый, он хочет дать тебе шанс.

Тут Холе рыгнул, и Волер отшатнулся назад.

— Какой еще шанс?

— Шанс проявить себя, — вставил младший полицейский, и на лице его появилась мальчишеская улыбка.

Литературно-художественное издание

Ю Несбё Тараканы

Редакторы Е.Чевкина, Е.Гуляева
Художественный редактор Н.Данильченко
Корректоры Н.Соколова, Т.Дмитриева
Технический редактор Л.Синицына
Компьютерная верстка Т.Коровенковой

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака “Издательство Иностранка”
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 20.06.2018. Формат 75 × 100/32.
Бумага газетная пухлая. Гарнитура “Журнальная”.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,77.
Доп. тираж 5000 экз. В-NUP-19493-07-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru